

Для успешного внедрения искусственного интеллекта в судебно-экспертную практику необходимо разработать четкие правовые и этические стандарты, создать систему контроля за применением ИИ в судебных процессах, а также обучить судебных экспертов работать с новыми технологиями. Эти шаги будут способствовать внедрению инноваций в судебную систему, гарантируя, что использование ИИ будет направлено на улучшение качества правосудия, сохранение справедливости и защиты прав граждан.

Таким образом, искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для трансформации судебной экспертизы, но для его эффективного и этичного применения необходим комплексный подход, включающий технические разработки, правовые и этические нормы, а также подготовку специалистов, способных работать в условиях новых технологий. В дальнейшем ИИ будет играть все более важную роль в обеспечении справедливости и объективности судебных решений, если будет правильно внедрен и контролируем.

Список использованной литературы

1. Черногор, Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка / Н. Н Черногор. // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 5–15.
2. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е. Р.Россинская, Е. И.Галяшина, А. М.Зинин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 368 с.
3. Омельянюк, Г. Г., Усов А. И. Тренды развития судебной экспертологии в современных условиях / Г. Г.Омельянюк, А. И. Усов // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНКрегистрации населения Российской Федерации. – Уфа, 2022. – С. 156-161.
4. Бессонов, А. А. Искусственный интеллект в расследовании преступлений: настоящее и будущее / А. А. Бессонов // Материалы Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и большие данные (big data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени». – Косы,2023. – С. 24–29.
5. Leone M. From Fingers to Faces: Visual Semiotics and Digital Forensics // International Journal of Semiotic Law. 2021. Vol. 34. 579-599 p. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09766-x>.
6. Pace L. R., Salmon L. S. A., Bowen Ch. J., Baggili I., Richard G. G. Every Step You Take, I'll Be Tracking You: Forensic Analysis of the Tile Tracker Application // Forensic Science International: Digital Investigation. 2023. Vol. 45. St. 301559. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2023.301559>.
7. Kim S., Jo W., Lee J., Shon T. AI-Enabled Device Digital Forensics for Smart Cities // The Journal of Supercomputing. 2022. No. 78. 3029-3044 p. <https://doi.org/10.1007/s11227-021-03992-1>.

УДК 343.14

С. Л. Емельянов

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ХАРАКТЕР И РАЗМЕР ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В настоящем исследовании раскрываются понятие, содержание и порядок определения характера и размера вреда, причиненного преступлением, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу. Основное внимание уделяется наиболее дискуссионным вопросам установления размера и способов возмещения указанного вреда в уголовном процессе, с учетом сложившихся подходов к данной проблеме среди ученых и практических работников. По результатам проведенного исследования вносится ряд предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики.

В соответствии со ст. 89 УПК Республики Беларусь, одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (элементом предмета доказывания), является характер и размер вреда, причиненного преступлением [1].

Общественно опасное деяние всегда влечёт за собой наступление определённых вредных последствий. В контексте темы таковыми является имущественный, физический и моральный вред на стороне физических и юридических лиц.

В уголовном процессе вред, причинённый гражданину или юридическому лицу, подлежит возмещению в полном объёме. Законом, в частности, предусмотрено возмещение убытков. Под убытками понимаются реальный ущерб и упущенная выгода (ст. 14 ГК) [2]. Кстати говоря, долгое время теория и практика уголовного процесса стояла на позиции недопущения возмещения упущенной выгоды.

В состав убытков не могут включаться финансовые (экономические) санкции за нарушение обязательства налогоплательщика перед бюджетом, поскольку они имущественным вредом не являются. Следовательно, их уплата по своей правовой природе не есть возмещение вреда, причинённого преступлением.

Для определения размера имущественного вреда в расчёт должны браться рыночные цены. В то же время следует принимать во внимание то, что в предусмотренных законодательством случаях должны применяться цены, установленные или регулируемые уполномоченными на то государственными органами (ст. 394 ГК). В частности, государством урегулированы цены на отдельные виды сельскохозяйственной продукции.

При определении размера реального ущерба и упущенной выгоды нужно учитывать износ имущества, а также то, что из суммы, подлежащей взысканию, должна быть исключена та их часть, которую гражданский истец каким-либо образом сберёг.

К реальному ущербу относятся и так называемые сопутствующие убытки, возникающие в связи с тем, что потерпевший предпринимал определённые действия в целях сглаживания последствий вреда (например, это могут быть расходы на дополнительное питание, протезирование и т.д.). Однако к таким убыткам не могут относиться затраты по ремонту повреждённого имущества в той части, в какой они привели к улучшению имущества.

В рамках уголовного процесса допускается как возмещение причинённых убытков, так и возмещение вреда в натуре (предоставление вещи того же рода и качества, исправления повреждений вещи и т. п.). Критерием выбора того или иного способа возмещения ущерба является своевременное и полное восстановление нарушенных прав гражданского истца несмотря на то, что, согласно ст. 951 ГК, лицо, ответственное за причинение вреда прежде всего обязано возместить вред в натуре. При этом должна приниматься во внимание возможность гражданского истца приобрести (починить) имущество собственными силами и средствами или за счёт третьих лиц, вследствие чего возникает право требования денежной компенсации возникших денежных затрат.

При наличии каких-либо осложнений, связанных с установлением стоимости имущества, должны назначаться соответствующие экспертизы.

Не исключена ситуация, когда гражданский истец может отказать от возмещения ущерба в натуре по причине значительного снижения потребительских качеств передаваемого ему имущества (в рамках уголовно-процессуальной реституции). Представляется, что в рассматриваемой ситуации прежде всего нужно исходить из приоритета защиты прав потерпевшего и, следовательно, удовлетворить требование о возмещении причинённых убытков. Тем не менее действующее уголовно-процессуальное законодательство такой порядок возмещения вреда не предусматривает. Исключение могут составлять те случаи, в которых к соответствующему соглашению придут обе стороны delictum правоотношения. Однако в судебной практике допускаются ошибки, заключающиеся в том, что обвиняемому оставляют повреждённое имущество, а причинённый вред возмещается в полном объёме.

Установление точного размера упущенной выгоды имеет свои специфические черты, поскольку упущенная выгода – это доход за вычетом всех расходов и обязательных

отчислений при получении этого дохода, который фактически не был получен пострадавшим. Таким образом, неполученный доход представляет собой величину, на которую могло бы возрасти, но вследствие правонарушения не возросло имущество пострадавшего. При этом до сих пор отсутствует чёткая методика его расчёта.

Следует отметить, что на размер возмещения вреда оказывает влияние умысел или грубая неосторожность потерпевшего. В случае иных противоправных действий потерпевшего юридическая ответственность на обвиняемого (гражданского ответчика) возлагается в полном объёме. Такое законодательное решение достаточно спорно, поскольку отсутствует, на наш взгляд, более или менее серьёзные причины, по которым субъекты деликтного правоотношения должны отвечать за поведение противной стороны.

Более последовательно рассматриваемый вопрос разрешён во многих зарубежных странах. Применительно к указанной правовой ситуации действует принцип «непредотвращения ущерба», распространённый в правовых системах Англии и США. Согласно ему, независимо от того, предприняла ли потерпевшая сторона какие-либо действия, ограничивающие его ущерб, или нет, она имеет право на возмещение тех убытков, которые она не смогла бы предотвратить разумными действиями.

Особый интерес представляет проблема определения понятия морального вреда, подлежащего возмещению, и его размера.

Под моральным (неимущественным) вредом, подлежащим возмещению, понимаются физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина (ст. 152 ГК).

Согласно ст. 44 УК, осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, так и материального возмещения морального вреда. По общему правилу граждане, пострадавшие от преступных действий лица, привлечённого к уголовной ответственности, вправе требовать компенсации морального вреда во всех случаях, в том числе и при нарушении любых имущественных прав.

Весьма спорной является общепризнанная и широко используемая практика компенсации морального вреда, наступившего в результате гибели жертв преступления. Существующая практика, будучи во многом хотя и справедливой, в целом не основана на действующем законодательстве. Право на жизнь – это личное неимущественное право, обеспечивающее физическое благополучие личности. Данное нематериальное благо, принадлежащее гражданину от рождения, неотчуждаемо и непередаваемо иным способом (ст. 151 ГК). Согласно ст. 1033 ГК, не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя (в частности, право на возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью). Таким образом, если заявляется гражданский иск о компенсации морального вреда в связи со смертью близкого родственника или члена семьи, речь может идти лишь о нравственных страданиях заявителей, возникших в результате потери близкого человека, и не более того. Подобного рода последствия преступления не должны служить основанием для компенсационных выплат.

Без внимания не должен оставаться ещё один аспект проблемы. С морально-этической точки зрения вряд ли уместно оценивать в денежном эквиваленте горечь потери близкого человека. Сама постановка такого вопроса изначально является кощунственной. При этом не следует забывать о возможности использования права на компенсацию морального вреда недобросовестными лицами, которые не испытали никаких негативных последствий, связанных со смертью жертвы преступления.

Внесение изменений в действующее законодательство, однозначно предусматривающих обсуждаемое право, с учётом изложенного, недопустимо. В то же время вполне приемлемым вариантом урегулирования столь неоднозначной правовой ситуации может стать допущение выплаты обвиняемым единовременной материальной помощи членам семьи погибшего в фиксированном размере.

В соответствии со ст. 970 ГК, размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных

страданий, а также степени вины причинителя вреда. Характер физических и нравственных страданий подлежит оценке с учетом фактических обстоятельств дела, а также с учетом индивидуальных особенностей потерпевшего. При этом должны быть соблюдены требования разумности и справедливости. Помимо указанного, во внимание может приниматься имущественное положение причинителя вреда.

Проблема установления размера морального вреда является весьма актуальной. Суды, несмотря на наличие перечисленных нами критериев, по-разному подходят к определению размера компенсации. Существует немало примеров, когда судами не в полном объёме учитывалась общественная опасность совершённых преступлений, тяжесть наступивших последствий, степень нравственных и физических страданий с учётом данных о личности каждого из них, а также виновное поведение самого потерпевшего.

На наш взгляд, практически невозможно разработать методику исчисления сумм возмещения морального вреда, пригодную для всех случаев. Самое главное, чтобы подход к оценке конкретных обстоятельств дела отвечал требованиям разумности извешенности.

По нашему мнению, подлежит критической оценке положение, согласно которому при установлении размера компенсации морального вреда может приниматься во внимание материальное положение обвиняемого. Дело в том, что, в силу ст. 952 ГК, уменьшение размера возмещения вреда, причинённого обвиняемым, с учётом его имущественного положения, не допускается при совершении умышленных преступлений. Однако судебная практика свидетельствует об обратном. Также в этой связи не должно широко толковаться правило о соблюдении требования разумности в целях предотвращения завуалированного учёта имущественного положения делинквента.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. №295-З [Электронный ресурс] // ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. №218-З [Электронный ресурс] // ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.

УДК 343.1

A. L. Ермакова

(Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова,
Российская Федерация)

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА, И ИХ ВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НА ЭТАПЕ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Автор рассматривает положения уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие длительность применения заключения под стражу и иных обеспечительных мер, продление которых осуществляется по правилам ст. 109 УПК РФ, после направления уголовного дела в суд. Отсутствие максимального срока судебного ареста по отдельным категориям преступлений, а также легитимного основания для увеличения дальнейшей изоляции субъектом предварительного расследования при возвращении уголовного дела из суда в порядке ст. 237 УПК РФ являются важными проблемами, которые требуют разрешения на нормативном уровне в целях формирования единой судебной практики.

Меры пресечения представляют собой системообразующее, центральное звено в механизме процессуального принуждения. Они применяются к подозреваемому, обвиняемому